

Мысль о том, что в новой школе он сходу обзавёлся другом — да ещё каким: высоким, статным и красивым! — заставляла Пу Яочжи невольно расплываться в счастливой улыбке.

Домой он возвращался на автобусе.

В квартире, как и всегда, царила звенящая тишина: никого.

Но на сей раз привычная тоска не сжала ему грудь. Радостно напевая под нос, Пу Яочжи прошёл в свою комнату, сбросил портфель и тут же разложил на столе тетради.

Зарывшись с головой в хитрые задачки и наморщив лоб от усердия, он вдруг спохватился.

«Вот досада! Забыл попросить у Гун Чэня номер!»

Впрочем, печалился он недолго: «Ладно, завтра спрошу».

С этой мыслью Яочжи снова погрузился в море упражнений. На домашнюю работу ушло без малого два часа. Когда он наконец отложил ручку, стрелки часов уже перевалили за одиннадцать.

Сладко зевнув, он потянулся, сходил в душ и юркнул под тёплое одеяло. Засыпал Пу Яочжи с лёгким сердцем, с нетерпением предвкушая завтрашнее утро.

В шесть утра прозвенел будильник.

Яочжи откинул одеяло, с живостью оделся, подхватил портфель и вышел в гостиную. На столе его, как и ожидалось, уже ждал горячий завтрак, приготовленный матерью.

Быстро почистив зубы в ванной, он вернулся и тихонько уселся за стол. Мать, по обыкновению облачённая в домашнюю пижаму, сидела напротив.

— Ну как прошёл первый день? — с заботой в голосе поинтересовалась она. — Одноклассники не обижали? С кем-нибудь подружился?

Яочжи с аппетитом уплетал разогретые паровые булочки-маньтоу и баоцзы:

— Всё хорошо, мамуль! Никто меня не обижал, и друга я уже нашёл! Вот только... учиться тяжело. Кое-что из того, что объясняют, я совсем не понимаю...

Мать облегчённо вздохнула и приложила ладонь к груди:

— Ну и славно, у меня аж от сердца отлегло. А с учёбой не торопись, всё придёт со временем. Знаешь ведь поговорку: «Глупая птица вылетает первой». Главное — усердие.

Вспомнив об уроках, Яочжи вздохнул и чуток приуныл:

— Мой сосед по парте — тоже бета, но он куда умнее меня... Ему всё с первого раза понятно.

«Куда умнее...» — у матери на мгновение ёкнуло внутри от этой фразы, но вникать она не стала, лишь переспросила:

— Твой сосед-бета — это и есть тот самый новый друг?

— Угу! — с готовностью кивнул Яочжи.

— Должно быть, твой приятель — из тех редких бета, кого природа одарила дьявольским умом, обычным ребятам за ним не гнаться, — на ходу рассудила мать. — Раз он такой сообразительный, бери с него пример.

— А ведь ты права, мам! — Яочжи прохлопал глазами и разом повеселел. — Расклеился я что-то. Буду у него учиться!

— Вот и молодец, — улыбнулась женщина, но тут же озабоченно спросила: — Тебе в школе ничего не нужно? Пойти докупить что-нибудь? Карманные деньги есть?

Мальчик замахал руками, отказываясь.

Мать тихо вздохнула:

— Понадобится что — обязательно скажи. Из-за работы я редко бываю дома, толком не могу присмотреть за тобой, так что береги себя.

— Хорошо, мамуль.

— Умница, — она поднялась и ласково погладила сына по голове. — Пойду ещё посплю. Закончишь есть — сложи посуду в раковину, как вчера.

Уже на пороге женщина остановилась и обернулась:

— Ах да! В пароварке осталась парочка баоцзы. Уложи их в термоконтейнер и возьми в школу
— угостишь друга.

Яочжи мгновенно вспомнил изысканный, баснословно дорогой платок, который Гун Чэнь вчера так непринуждённо вытащил из кармана, и помялся.

«Вряд ли Гун Чэнь станет есть домашние баоцзы...» — пронеслось в голове, но возражать матери он не стал:

— Хорошо, мам.

Когда мать ушла к себе, Яочжи достал из шкафчика судок, осторожно приподнял крышку пароварки и переложил горячие пышные булочки. Плотно прижав крышку, он замер в робком предвкушении: а вдруг Гун Чэню всё-таки понравится?

Сложив тарелки в раковину, он упрятал контейнер в портфель, накинул лямки на плечи и, сгорая от нетерпения, выбежал из дома на автобусную остановку.

На сей раз обошлось без поломок, и автобус без происшествий доставил его к школьным воротам.

Едва соскочив с подножки, Яочжи во весь опор пустился к учебному корпусу — баоцзы ведь вкусны только пока горячие!

Однако у парты его ждало разочарование: место Гун Чэня пустовало. Сияющая улыбка на лице Яочжи тут же угасла. Повесив нос, он со вздохом опустился на стул и принялся покорно ждать.

Одноклассники при виде его вздохов брезгливо заморщились. Ученики — альфы, омеги и парочка бета — сбились в кучку поодаль от Яочжи и зашептались, не сводя с него злобных глаз:

— Гляньте на него! Стоит Гун Чэню задерживаться, как у этого рожка кислее лимона.

— Двуличная тварь. Зелёный чай как он есть. Неужто это и есть те самые медоточивые бета-манипуляторы?

— Скажи спасибо, что он не омега! Омега на его месте выглядел бы ещё тошнотворнее.

— Эй, ты на что намекаешь?! Чем тебе омеги не угодили?!

— Кхм, да я так, к слову... Не кипятись!

— Вчера он ещё молоко Гун Чэню подсовывал. Дешёвку какую-то! Стал бы Гун Чэнь пить эту дрянь? Да и кто знает, что этот подлый бета, мечтающий присосаться к богатейшей семье, туда подмешал?

— Я вчера задерживался и своими глазами видел, как Гун Чэнь с брезгливостью швырнул эту коробку в мусорку. А [0097] — Я вчера задерживался и своими глазами видел, как Гун Чэнь с брезгливостью швырнул эту коробку в мусорку. А этот [0097] — Я вчера задерживался и своими глазами видел, как Гун Чэнь с брезгливостью швырнул эту коробку в мусорку. А этот зелёный чай-бета, [0097] — Я вчера задерживался и своими глазами видел, как Гун Чэнь с брезгливостью швырнул эту коробку в мусорку. А этот зелёный чай-бета, похоже, ни сном ни духом.

— Тьфу... Позорник безграмотный, изо всех сил на шею вешается.

Пока в классе перешёптывались, Пу Яочжи ничего не замечал. Потоптавшись ещё немного, он достал судок с баоцзы и поставил его на парту. Затем вытащил тетради и принялся внимательно перепроверять вчерашние ответы.

Из-под крышки контейнера медленно поплыл аппетитный аромат свежей выпечки.

Один из сидевших неподалёку альф по имени Цзянь Цунлянь как раз успел проголодаться. Подобных Пу Яочжи никчёмных бета, наглевших до того, чтобы подлизываться к высшим альфам, он презирал всей душой. А уж святошная мина Яочжи выводила его из себя сильнее всего.

Спускаться в буфет Цзянь Цунляню было лень, поэтому он, долго не думая, крикнул через весь ряд:

— Эй, зелёный чай! Да не ты, бета! Тащи сюда свои баоцзы, я жрать хочу!

Сперва Яочжи даже не понял, что обращаются к нему. Лишь когда весь класс разом уставился на него, до него со скрипом дошло.

Он вскинул голову, нерешительно ткнул пальцем себе в грудь и робко переспросил:

— Э-э... Постой, ты... ко мне обращаешься?

Цзянь Цунлянь закатил глаза:

— А к кому ещё? Гони контейнер сюда, живо!

Яочжи вжал голову в плечи и едва слышно пролепетал:

— Но... это мама приготовила для моего друга...

При слове «друг» Цзянь Цунлянь едва не прыснул. Ну и притворщик! Друг?! Друг Гун Чэнь?! Да где этот нищий бета и где высший альфа Гун Чэнь?!

Впрочем, Цзянь Цунлянь решил поддержать игру. Вскинув бровь, он вальяжно усмехнулся:

— А что, с Гун Чэнем ты, значит, дружишь, а со мной не хочешь?

— Я-я вовсе не это имел в виду! — замахал руками Яочжи, моментально смутившись.

Он и подумать не мог, что в новой школе кто-то сам захочет с ним подружиться. Нахлынувшая радость смешалась с растерянностью. Выдержав паузу, Пу Яочжи тихонько и с надеждой уставился на него:

— А... а ты бета?

Цзянь Цунлянь насупился:

— Чего-чего?

Заметив искреннее недоумение на лице парня, Яочжи смущённо потёр нос и объяснил:

— Я ведь бета... чужих феромонов не чувствую, вот и не различаю вторичный пол...

До Цзянь Цунляня наконец дошло. Ах да, бета же невосприимчивы к феромонам.

— И что с того? Был бы я бета — и чё? — с ухмылкой протянул он.

— Мама разрешает мне дружить только с бета... — честно сознался Яочжи.

Глядя на его предельно серьёзное лицо, Цзянь Цунлянь скривился. Серьёзно? Наш зелёный чай выдумал сказочку про мамку, чтобы отшить его?

Но тут же вспомнив, что бета и впрямь не чувствуют феромонов, Цзянь Цунлянь хмыкнул и с готовностью соврал:

— Какое совпадение! Я как раз бета.

Он гордо вскинул подбородок:

— Ну вот, теперь мы друзья. Раз твоя матушка передала баоцзы для друга — самое время меня угостить. Давай сюда.

В классе никто не стал срывать покров с лжи Цзянь Цунляня — все затаили дыхание, ждя реакции Яочжи.

Пу Яочжи поразмыслил. А ведь и правда, не поспоришь... Всё логично!

Послушно взяв контейнер, он шагнул к парте нового «друга».

Увидев, что парень безропотно принёс еду, Цзянь Цунлянь на мгновение опешил. С перекошенной миной забрав судок, он сдёрнул крышку и, будучи голодным как волк, тут же заглотил целый баоцзы.

Поперхнувшись с непривычки, он судорожно закашлялся.

Яочжи не растерялся: моментально вытащил из своего портфеля бутылку воды и заботливо подал её Цзянь Цунляню.

Тот на автомате цапнул бутылку и сделал пару жадных глотков. А затем замер, разглядывая емкость в руках с чувством полной прострации.

— Э-э... слушай, — выждав паузу, робко спросил Пу Яочжи, поглядывая на контейнер. — А как тебя зовут? Я... я Пу Яочжи!

— Цзянь Цунлянь, — буркнул тот.

— Ух ты! — искренне восхитился Яочжи. — Какое красивое имя, одноклассник Цзянь!

Цзянь Цунлянь онемел. На душе у него сделалось отвратительно гадко и неловко.

Тем временем Пу Яочжи, набравшись храбрости, застенчиво попросил:

— Одноклассник Цзянь... А ты... не мог бы оставить парочку баоцзы? Я бы хотел... оставить для...

— Для Гун Чэня? — грубо перебил его Цзянь Цунлянь.

— Угу! — Яочжи отчаянно закивал.

— Ладно, бери, — Цзянь Цунлянь, съев пару булочек, действительно закрыл судок и сунул его обратно Яочжи вместе с бутылкой.

— Спасибо большое, одноклассник Цзянь! — расцвёл Яочжи. Прижав судок к груди, он с глуповатой радостной улыбкой вернулся на место.

Цзянь Цунлянь глядел ему вслед с совершенно непередаваемым выражением лица.

Вскоре у дверей показался Гун Чэнь. Высокий, статный, с давящей аурой, он размашистым шагом вошёл в класс.

Яочжи тут же с готовностью замахал ему рукой:

— Гун Чэнь, наконец-то ты пришёл!

Гун Чэнь мазнул по нему холодным взглядом, даже не дрогнув мускулом на лице, обогнул парту Яочжи и со сдержанным изяществом опустился на своё место.

Яочжи немедленно извлёк свой судок.

Гун Чэнь опустил глаза. Одно-единственного взгляда хватило, чтобы полностью потерять интерес.

Однако Яочжи, будучи человеком невероятно непроницательным, восторженно продолжал:

— Это баоцзы, моя мама сама делала! Вкусные — пальчики оближешь! Она велела угостить друзей... Гун Чэнь, хочешь...

— Не интересно, — отрезал Гун Чэнь, беспощадно оборвав его на полуслове.

Пыл Яочжи мгновенно угас.

Опустив голову, он тихо промямлил:

— Понял...

И молча убрал контейнер обратно.

Вскоре начался урок. Яочжи тут же взял себя в руки, выпрямился и уставился на доску, внимательно слушая учителя.

Со звонком, когда занятие окончилось, Яочжи вдруг спохватился. Сжав кулаки до влажных ладоней, он нервно повернулся к соседу:

— Э-э... Гун Чэнь... — Голос его дрогнул. — А... можно попросить твой номер телефона или контакты в сети?

Гун Чэнь с каменным лицом смерил его взглядом.

— Нет, — последовал сухой и беспощадный ответ.

— Понятно... — Яочжи повесил нос.

Впрочем, грустил он ненадолго. «Ничего страшного, — мысленно утешил он себя. — Настоящим друзьям вовсе не обязательно обмениваться контактами!»

После третьего урока учитель-альфа вызвал Гун Чэня к себе в кабинет. Дело было, разумеется, вовсе не в успеваемости. Преподаватель надеялся как бы невзначай выведать у юноши плановые инвестиционные решения клана Гун, чтобы сыграть на бирже. Ведь куда бы ни влила средства корпорация Минъюань, акции тех компаний мгновенно взлетали до небес.

Вот только юный Гун Чэнь умел держать язык за зубами лучше любого разведчика. Учителю так и не удалось вытянуть из него ни единого слова, и тот был вынужден ни с чем отпустить парня обратно в класс.

Возвращаясь по лестничному пролёту, Гун Чэнь замер на повороте, услышав доносившиеся сверху голоса двух альф.

— А я-то думал, этот Пу Яочжи — продуманная тварь и хитрый двуличный зелёный чай... Какое там! Да он же наглухо пробитый кретин!

Второй альфа с нервным смешком поддакнул:

— Я сам видел! Вот уж реально идиот... Чё ему ни втирай, во всё верит! Ему Цзянь Цунлянь ляпнул, что он бета, так тот и уши распустил! У него мозги в голове вообще есть?!

— Да нет там ничего! Если б он мне ещё и воду свою не сунул, я б подумал, что парень просто

косит под дурачка. Но после этой бутылки у меня сомнений не осталось: этот тупорылый бета — законченный идиотина.

Стоявший ниже по лестнице Гун Чэнь нахмурился, храня глубокое молчание.

<http://bllate.org/book/20413/2106291>